

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ РЕСУРСОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Теоретически исследуется проблема ресурсов власти. Особое внимание уделяется соотношению насильственных и ненасильственных ресурсов, обоснованию положения о том, что в современном обществе происходит сдвиг в диапазоне ресурсов в пользу их ненасильственных форм. Обозначается специфика проблемы в модернизирующемся обществе.

Ключевые слова:

авторитет, власть, влияние, манипулирование, мобилизация ресурсов власти, политическая власть, ресурсы власти, ресурсы высоколиквидные, ресурсы насильственные, ресурсы ненасильственные, ресурсы низколиквидные, ресурсы нормативные, ресурсы утилитарные.

Политическая власть – наиболее актуальная и интересующая исследователей проблема. До сих пор ни один исследователь не смог предложить такую концепцию власти, которая была бы универсальной и описывала все важнейшие свойства и атрибуты власти. В разное время власть имущие использовали различные ресурсы для влияния на массы.

Термин «ресурсы власти» употребляется в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова – это все то, что индивид или группа могут использовать для влияния на других. При таком подходе различные элементы власти можно дифференцировать и по их функциям, и по роли, и по значению, поскольку в ресурсы включают все факторы, способные повлиять на процесс отправления власти: собственные качества субъекта власти; свойства объекта властного отношения; благоприятную для реализации властной воли ситуацию; разнообразные средства воздействия – физические, экономические и т.д.

При таком подходе утрачивается специфика ресурсов власти как относительно самостоятельного звена в системе властных отношений. Поэтому для изучения ресурсов власти больше подходит узкая их трактовка, которая преобладает в политической социологии: «средства, с помощью которых один актер может оказать влияние на других» [5, с. 207; 9, с. 352].

Кроме термина «ресурсы власти» в политической литературе используются и другие заменяющие его термины – «основы власти», «средства власти» и т.д. Согласно приведенному определению к властным ресурсам относятся следующие их разновидности:

– важные для объекта ценности, контролируемые субъектом власти (предметы потребления, деньги, условия жизнедеятельности);

– средства, способные повлиять на внутренний мир, мотивацию человека (СМИ, проповедь в церкви и т.п.);

– орудия (инструменты), с помощью которых можно лишить человека тех или иных ценностей, в том числе высшей – жизни (карательные органы, оружие).

Само понимание того, что такое ресурсы власти, неодинаково у различных исследователей. Американский политолог М. Роджерс определяет ресурсы власти как «благо, обладание которым повышает способность его обладателя оказывать влияние на других индивидов» [цит. по 2, с. 35]. В самом же широком смысле ресурсы власти понимаются как «все то, что индивид или группа могут использовать для влияния на других» [11, с. 31]. То, что власть обусловлена каким-то набором ресурсов, позволяющих субъекту реализовать свою волю в отношении объекта, считается общепринятым у исследователей власти. «Основными элементами любого объяснения власти, – пишет Р. Мартин, – являются цели актора и распределение ресурсов, необходимых для их достижения» [22, с. 50]. Характеризуя роль «ресурсов» в объяснении и исследовании властных отношений, Р. Даль подчеркивает, что анализ их распределения между индивидами и социальными группами в различных обществах и исторических условиях – «это древний, общепризнанный, распространенный и убедительный способ объяснения, использованный Аристотелем в Греции в IV в. до н.э., Джеймсом Хэрингтоном в

XVII в. в Англии, отцами-основателями в Американской конституции и многими выдающимися учеными XX в.».

Анализ ресурсов совершенно необходим для понимания распределения власти в обществе, он помогает выделить различные формы власти и оценить ее основные параметры. Ресурсы могут применяться для поощрения, наказания или убеждения. В процессе их реализации субъектом они могут трансформироваться во власть, которая и представляет собой способность превращать определенные ресурсы в устойчивое влияние в рамках системы взаимосвязанных агентов [5, с. 352].

Все авторы согласны с тем, что ресурсы власти могут быть различными, и нет единого ресурса власти. Например, Э. Этциони выделяет принудительные ресурсы, ресурсы, дающие выгоды, и нормативные ресурсы власти. С. Бэкэрэк и Э. Лолер добавляют к этой классификации еще один тип ресурсов власти – знание [4, с. 34]. Х. Лассуэл и Э. Каплан выдвинули схему, в которой выделяют восемь основных ресурсов («основных ценностей») власти: власть (которая может выступать основой для другой (большей) власти), уважение, моральный долг, любовь, благосостояние, богатство, умения и просвещенность [21, с. 87].

Даль предложил еще более подробный перечень ресурсов политической власти, включающий свободное время акторов, деньги и богатство, контроль над рабочими местами, контроль над информацией, социальное положение, обладание харизмой, популярностью и легитимностью, должностные права, солидарность, способность получить поддержку других людей и групп и др. [12, с. 226]. Умения (skills) Даль не включает в свой перечень ресурсов, хотя и признает, что формально умения могут рассматриваться как «особый ресурс». Единственный мотив невключения состоит в том, что «они считаются очень значимыми для объяснения различий между властью разных лидеров» [10, с. 45].

Однако данный аргумент выглядит не вполне убедительно. Достаточно вспомнить Д. Болдуина, который указывает, что «то же самое можно сказать и в отношении многих других ресурсов власти» [5, с. 207]. Т. Бентон предлагает разграничить «возможности» (capabilities) и «ресурсы» (resources). Первые относятся к «внутренней природе» акторов, вторые – к их внешним структурным свойствам [6, с. 298].

Подход Бентона базируется на реалистской методологии, в частности, на идеях, развитых Р. Харре и Э. Мэдденом. Они считают, что власть человека (или вещи) связана с его (ее) природой: «X имеет власть сделать A означает, что X может сделать A или сделает A при соответствующих условиях в силу своей внутренней природы» [19, с. 86]. «Природа здесь, – пишет Бентон, – включает структуру, состав и состояния субъекта, о котором идет речь. При утверждении о наличии власти ее сущность остается открытой, хотя смысл ссылки на нее состоит в том, чтобы привлечь внимание к действию самого субъекта при осуществлении его власти и к преимуществам ссылки на его внутреннее состояние и структуру, в отличие от внешних условий, при объяснении осуществления его власти» [6, с. 298].

Соглашаясь с основными положениями реалистского подхода, Бентон, однако, считает, что анализ, сделанный Харре и Мэдденом, не может непосредственно использоваться применительно к понятию социальной власти, поскольку последняя, в отличие от индивидуальных способностей человека, связана не только с «внутренней природой» людей, но и с их «внешними» отношениями с другими людьми и материальными объектами [6, с. 297].

Некоторые авторы также подчеркивают, что знания, умения, компетенция, внутренняя организация, солидарность и другие качества подобного рода, которые Бентон отнес к «возможностям», играют специфическую роль во власти. Э. Голдмен пишет, что для обладания властью обязательно нужны информационные ресурсы: субъект должен иметь определенные знания действий, которые могут обеспечить достижение желаемого результата. Отсутствие соответствующей информации означает отсутствие власти [18, с. 230]. С. Бэкэрэк и Э. Лолер, Д. Ронг [23, с. 148] и другие исследователи также считают, что знания играют особую роль в осуществлении власти, однако они не ограничивают «ресурсы» исключительно «внешними» средствами воздействия.

Здесь необходимо обратить внимание на отличия этого подхода от упоминавшихся, делающие его более обоснованным. Во-первых, роль различных ресурсов во властном отношении в известном смысле одинакова: они являются средствами воздействия субъекта на объект, выражают их неравенство и зависимость объекта от субъекта. Во-вторых, в некоторых случаях

власть, как уже отмечалось, основывается исключительно на ресурсах, например, на физической силе, обладании важной информацией или интеллектуальном превосходстве. То есть власть вполне может обходиться и без «внешних» ресурсов. Вследствие этого, отнесение к ресурсам власти только внешних средств воздействия субъекта на объект может привести к возникновению следующей логической цепочки: субъект может обладать властью, не обладая ресурсами власти.

«На мой взгляд, понятие “ресурсы власти” следует относить к любым средствам, используемым субъектом для подчинения объекта – физическим, психологическим, социальным, организационным и др., т.е. использовать его в самом широком смысле, как в приведенном выше определении. Мы можем считать ресурсами власти легитимность и оружие, богатство и официальный статус, какие-то идеи и элементы окружающей среды, традиции и людей (власть *A* над *B* может быть ресурсом власти *X* над *Y*) и т.д. Это не мешает проводить различия между видами ресурсов власти и относить некоторые из них (соответствующие знания, умения, элементарные физические способности субъекта) к числу обязательных», – отмечает В.Г. Ледяев [1, с. 219].

При таком широком понимании термина «ресурсы власти» трудно проводить различие между тем, что считать ресурсами власти, а что нет. Точнее следует говорить о средствах, обеспечивающих подчинение объекта субъекту. Во-первых, ресурсами власти субъекта можно обоснованно считать только те средства воздействия на объект, которые субъект контролирует и может использовать в нужное время. К таковым нельзя относить все возможные средства, потенциально способные обеспечить подчинение объекта в силу того, что многие из них не контролируются субъектом или недоступны ему. Во-вторых, практически любой материальный предмет, духовная сущность или норма могут использоваться в качестве ресурса власти.

Однако нельзя распространять это утверждение на любой объект. Например, при помощи денег нельзя повлиять на тех людей, которые в них не нуждаются (оружие не в силах заставить подчиняться тех, кто не дорожит своей жизнью; легальная позиция может и не оказать влияния на тех, кто не привык к соблюдению правовых норм). «Богатства, орудия принуждения, должностные полномочия окажутся

бессильными при попытке осуществлять власть над религиозным фанатиком, они вряд ли смогут заставить его, например, подчиниться правительственной политике в отношении церкви» [1, с. 219]. В этом случае ресурсом власти скорее могут стать контроль над информацией и способность манипулировать сознанием. В силу этого вряд ли возможно указать средства, которые могут стать ресурсами власти над всеми людьми.

В.Г. Ледяев пишет, что, говоря о ресурсах власти, следует различать так называемые «общие ресурсы власти» и «конкретные ресурсы власти». «Общие ресурсы власти – это средства, которые субъект контролирует и может использовать для достижения подчинения объекта... Конкретные ресурсы власти представляют собой те общие ресурсы власти, которые обуславливают властное отношение (способность субъекта добиться подчинения объекта) в данных условиях в данное время» [1, с. 218].

Само по себе обладание ресурсами не обязательно ведет к власти. Многие исследователи утверждают, что ресурсы могут стать основой властного отношения лишь в том случае, если субъект обладает соответствующим знанием и умением их использовать. Если субъект не может использовать имеющиеся у него ресурсы, то он обладает лишь потенциальной властью и фактически (в данный момент) не способен добиться подчинения объекта.

Однако этого бывает недостаточно для возникновения властного отношения, если субъект не может использовать свои ресурсы (или некоторые из них) в силу моральных, религиозных, правовых, политических или прочих самоограничений или из-за каких-то своих психологических характеристик. Можно сказать, однако, что в данном случае речь идет не о неспособности субъекта использовать ресурсы, а о его нежелании осуществлять свою власть. Такие рассуждения находим у Морриса, который обращает особое внимание на то, что эти ситуации следует отличать от тех, где субъект действительно не обладает способностью прибегнуть к какому-то действиям. Во всех случаях у актора, как считает Моррис, нет желания, а не способности. Между тем «сказать, что человек не может сделать что-то, чему препятствуют его желания, это то же самое, что сказать, что он может сделать это, но не будет делать, потому что не хочет» [20, с. 105]. Таким образом, для обладания и осуществления власти актер должен об-

ладать необходимыми ресурсами и быть способным использовать их для достижения своих целей. Однако и этого может быть недостаточно.

Еще одним условием является мобилизация ресурсов. Термин часто используется в анализе политической власти и обычно относится к группам и организациям, а не к индивидуальным акторам. Он связан с процессом формирования групп, ассоциаций и организаций для достижения коллективных целей. Применительно к политике «коллективные цели» означают «влияние, контроль или доступ к государственному управлению» [23, с. 148]. Вопрос о политической мобилизации – о том, какие группы становятся мобилизованными для эффективных политических действий, – является одним из наиболее существенных для объяснения политических явлений. Основные теоретические дискуссии вокруг политики, пишет Д. Ронг, – «представляют собой попытки ответить на вопрос “кто мобилизован?” или кто, то есть какие группы, общности или социальные слои добились успеха в формировании коллективных ресурсов для использования их в коллективных целях? Кто относится к числу основных участников политического соревнования? И наоборот, какие потенциальные и возможные группы не являются таковыми, поскольку не сумели сформировать коллективные ресурсы или направить имеющиеся ресурсы для решения политических проблем?» [23, с. 146]. Необходимо учитывать, что не все ресурсы могут быть использованы немедленно. У. Гэмсон предложил различие ресурсов по их «ликвидности»: к высоколиквидным ресурсам относятся те, которые могут быть использованы сразу, без предварительной подготовки, а «низколиквидные» требуют определенного времени для их мобилизации [17, с. 95].

Основываясь на идеях Гэмсона, Д. Ронг провел тщательный анализ ликвидности различных ресурсов власти, подчеркнув различие между индивидуальными и коллективными ресурсами. Он считает, что большинство ресурсов, которыми обладают индивиды (свободное время, деньги, репутация, персональные качества и т.д.) имеют сравнительно высокий уровень ликвидности, то есть их легко подготовить к использованию или переориентировать с одного объекта на другой. И наоборот, коллективные ресурсы (к наиболее значимым ресурсам подобного рода Ронг отнес количество членов группы, монополию на

профессии и знания, солидарность и организацию) гораздо более разнообразны по своей ликвидности. Нередко они только начинают формироваться по мере возникновения групповой солидарности, организации и лидерства путем мобилизации ранее неорганизованных индивидов. Поэтому властные возможности групп варьируются «от актуальной власти, осуществляемой полностью организованными или мобилизованными индивидами, группами и институтами, до сравнительно отдаленной возможности достижения власти людьми, которые хотя и разделяют некоторые общие устремления, но не имеют какой-либо общественной организации или осознания коллективной идентичности» [23, с. 134].

Рассмотрим несколько классификаций ресурсов власти. Так, например, Р.Т. Мухаев приводит классификацию ресурсов по эффективности и циклу действия. При этом использование того или иного ресурса или вида ресурсов зависит от целого ряда факторов, в том числе и от типа политического режима [2].

Еще одна система классификации ресурсов исходит из характера воздействия и сферы влияния. В частности, А. Этциони [15, с. 5] делит ресурсы на утилитарные, принудительные и нормативные.

Что касается отношения исследователей к власти, базирующейся на принудительных ресурсах, то между ними нет сколько-нибудь значительных разногласий. Так например, Э. де Креспини определяет принудительную власть как «способность *A* заставить *B* действовать в соответствии со своими намерениями и вопреки желаниям *B* путем угрозы негативного воздействия на *B*, если тот не повинуется» [13, с. 196]. Дж. Френч и Б. Рейвен пишут, что базирующаяся на принуждении «власть *O* над *P* обусловлена ожиданием *P* наказания со стороны *O* в случае его неповиновения» [16, с. 157]. При использовании силы как ресурса политической власти источником подчинения выступает способность субъекта непосредственно воздействовать на объект или его окружение. Обладание силой означает возможность оказать намеренное влияние на тело или психику объекта или ограничить его потенциальные действия. Чаще всего понятие «сила» трактуется в плане воздействия на физическую сторону жизни объекта. Однако в результате достижений последних десятилетий в области психологии можно говорить о таком яв-

70 | лении, как «психологическая сила» или «психическое насилие».

В частности, Д. Ронг, придерживавшийся этой точки зрения, писал, что психическое насилие, в процессе которого субъект власти оказывает негативное воздействие на психику, менталитет или эмоциональное состояние объекта, часто осуществляется совместно с физическим насилием [23, с. 134]. Большинство исследователей солидарны в том, что если основным ресурсом осуществления политической власти является сила, то у объекта практически нет иной альтернативы, кроме подчинения. Р. Берштедт пишет: «Сила... в социологическом смысле означает сокращение числа, ограничение или полное исключение альтернатив, имеющихся у индивида или группы в результате воздействия со стороны других индивидов или групп» [7, с. 733]. У. Конолли также подчеркивает, что ограничение выбора объекта власти является специфическим свойством силы, отличающим ее от других видов влияния [8, с. 92].

С этой точки зрения важно различать способность субъекта добиться подчинения объекта путем использования силы и путем угрозы использования силы (принуждение). Некоторые авторы сглаживают это различие. По поводу этого Бэкэрк и Бэрэтц резонно замечают, что здесь мы имеем дело не с использованием силы, а с угрозой использования силы: «Если требование *A* отдать кошелек в обмен на спасение жизни «подсказало» *B* уступить кошелек, то в этом случае *A* осуществил свою власть – он добился повиновения *B*, угрожая более жесткими мерами» [3, с. 27]. Т.е. фактически здесь речь идет о силе и принуждении. Д. Истон, проводящий четкое концептуальное разграничение между силой и принуждением, пишет: «Я различаю силу и угрозу силы... В случае только угрозы, человек может быть склонен подчиниться... тогда как при использовании силы он продолжает отказываться повиноваться решению властей, но вынужден с ним смириться» [14, с. 183].

Список литературы:

1. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.
2. Мухаев Р.Т. Политология: учебник для студентов юридических и гуманитарных факультетов. – М.: ПРИОР, 1997. – 400 с.
3. Bacharach P., Baratz M.S. Power and Poverty: Theory and Practice. – New York, London, Toronto: Oxford University Press, 1970.
4. Bacharach S.B., Lawler E.J. Power and politics in Organizations. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1981.

Нередко утверждается, что применение силы является свидетельством крушения власти. Поэтому власть и сила рассматриваются как противоположности. Наиболее последовательно данную точку зрения отстаивает Х. Арендт. Аналогичной позиции придерживается также Т. Болл, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и некоторые другие исследователи

Несомненно, власть фокусирует в себе характер, сущность всей системы общественных отношений, обнажает социальные противоречия и в то же время является важнейшей формой их разрешения. Сложность и противоречия власти находят отражение в огромном разнообразии ее концепций и отсутствии общепринятого ее определения. Анализ наиболее принятых концепций власти показал, что каждая из них несет в себе «зерно истины», но вместе с тем имеет и свои ограничения, пробелы в точностях интерпретации каких-либо аспектов.

Особенно актуальна эта проблема в переходном обществе. Наборы ресурсов власти, их структура, методика реализации и т.д. в тоталитарном и демократическом обществе во многом качественно различны и, естественно, переход от одной системы к другой вызывает потрясения массового сознания, неожиданные эффекты. Нельзя сказать, что тема «ресурсов власти» в период реформирования не осознавалась и не решалась, но она часто не отделялась от решения конкретных политических и других проблем. Традиционно преобладает акцент на силовой компонент в понимании власти. Однако в современном обществе ситуация требует во многом иного подхода. На этом фоне становится очевидным недостаток внимания к правовым, нравственным ресурсам власти.

Односторонность проявляется и в подходе к религиозным ресурсам. Мы обратились лишь к некоторым ресурсам, имеющим место в политике, хотя сама проблема ресурсов политической власти гораздо шире и требует серьезного теоретического рассмотрения.

5. Baldwin D.A. Haradoxes of power. – New York: Basil Blackwell, 1989.
6. Benton T. 'Objective' Interests and the Sociology of Power // Power: Critical Concepts / ed. John Scott. Vol. 2. – London: Routledge, 1994.
7. Bierstedt R. An Analysis of Social Power // American Sociological Review. Vol. 15. – 1950, № 6.
8. Connolly W.E. The Terms of Political Discourse. 3rd ed. – Oxford: Blackwell, 1993.
9. Dahl R. Modern Political Analysis. 5th ed. Englewood Cliffs. –New Jersey: Prentice Hall, 1991.
10. Dahl R. Power as the Control of Behaviour // Powered. By Steven Lukes. – Oxford: Blackwell, 1986.
11. Dahl R.A. The analysis of influence in local communities // Social science and community action. East lanc-ing? – 1960.
12. Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. – New Haven: Yale University Press, 1961.
13. De Crespigny A. Power and Its Forms// Political Studies. Vol.16. – 1968, № 2.
14. Easton D. The Perception of Authority and political Change // Authority. Nomos 1. / ed. by Carl J. Friedrich. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1958.
15. Etzioni A. Comparative Analysis of Complex Organizations. On Power, Involvement, and Their Correlates. – New York: The Free Press, 1961.
16. French J.R.P. Jr., Raven B. The basis of social power // Studies in social power/ ed. By Dorwin Cartwright. – Ann Arbor: University of Michigan, Institute for Social Research, 1959.
17. Gamson W. Power and Discontent/Homewood (Ill.): The Dorsey Press, 1968.
18. Goldman A.I. Toward a Theory of Social Power // Philosophical Studies. Vol. 23. – 1972, № 4.
19. Harre R., Madden E.H. Causal Power. A Theory of Natural Necessity. – Oxford: Basil Blackwell, 1975.
20. Kenny A. Will, Freedom and Power. – Oxford: Basil Blackwell, 1975.
21. Lasswell H.D., Kaplan A.K. Power and Society. – Ney Haven: Yale University Press, 1950.
22. Martin R. The Sociology of Power. London: – Routledge and Kegan Paul, 1977.
23. Wrong D.H. Power: Its Forms, Bases, and Uses. With a New Preface. – Oxford: Basil Blackwell, 1988.